

Дмитрий ШУЛЬМАН

Дмитрий Михайлович Шульман Боцман (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17649443

Шульман Д. Боцман : рассказы: Копирайт; Москва; 2016

ISBN 978-5-94105-001-7

Аннотация

Время принесло много перемен и в жизнь нашей страны, и в жизнь каждого человека. Именно поэтому я хочу поделиться с читателями грустными и веселыми историями из недавнего прошлого. В своих рассказах я постарался как можно более реалистично описать некоторые события, свидетелем и участником которых я был.

Содержание

Предисловие	5
Боцман	8
Бекон есть?!	22
Бомба	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Шульман

Боцман и другие

рассказы (сборник)

©Д. Шульман, 2016

© Оформление и иллюстрации Е.Адамов, 2016

©ИД «КОПИРАЙТ», 2016

Предисловие

... Поздняя осень, сухо, снег еще не лег, но по утрам после ночных заморозков пожухлая трава сверкает изморозью и хрустит под ногами. К обеду теплеет, земля на пашне начинает прилипать к сапогам и они становятся тяжелыми, неподъемными.

Мне пятнадцать лет. Возвращаясь с охоты, в очередной раз встречаю участкового инспектора милиции Алексея Ивановича Волкова. Мы с ним давно знакомы. Дядя Леша осматривает меня с ног до головы, переводит взгляд на неестественно длинный вещмешок, вздыхает и говорит:

– Ну когда же ты, Шульман, школу уже закончишь и уедешь учиться? Как я устал у тебя ружья забирать. Показывай! Что у тебя в очередной раз? Объясняться будешь потом, в милиции, – в этом месте он делает паузу и продолжает с легкой иронией, – где достал, Дима, у кого купил?

Вещмешок, сшитый мной из тонкого брезента, легко открывается, там старое тульское курковое ружье, с разболтанными замками, но удивительно хорошими стволами.

Показал участковому, а вот рассказывать правду точно не буду, все как всегда: шел себе шел, да и нашел... Такие ситуации случались иногда.

Юношеские годы, проведенные в небольшом белорусском городе Пружаны неподалеку от границы, были насыщены

рыбалками, охотами и, конечно, спортом. Приходилось бывать и на погранзаставах, на одной из них старшина, фамилию которого, к сожалению, не вспомню, научил меня, двенадцатилетнего мальчишку, стрелять из охотничьего ружья и подарил книгу «Охота на зайцев». С этого и началась взрослая жизнь.

Мой отец в годы войны был стрелком-радистом на штурмовике Ил-2. Его немногословные рассказы о фронтовой жизни и о боевых друзьях, а еще правильные книги, которые он мне давал, оказали на меня огромное влияние.

Был еще один замечательный человек, повлиявший на меня в те годы. Заядлый охотник и рыбак Иван Александрович Ткачев в войну летал на По-2, доставлял почту, несколько раз горел, сажал самолет и снова возвращался в строй.

В городе было много военных частей разных родов войск. Небольшая возвышенность возле забора аэродрома, за которым постоянно взлетали и садились штурмовики, была одним из моих самых любимых мест. Там я мечтал о полетах...

Но жизнь сложилась иначе. В Московской ветеринарной академии я получил специальность зооинженера.

Потом был переезд на Сахалин, комсомольская путевка в милицию, служба оперуполномоченным ОБХСС, учеба в Хабаровской высшей школе милиции.

Жизнь на северном Сахалине была необыкновенно интересной и богатой событиями и встречами с замечательными людьми – геологами, нефтяниками, рыбаками и охотниками.

Время принесло много перемен и в жизнь нашей страны, и в жизнь каждого человека. Именно поэтому я хочу поделиться с читателями грустными и веселыми историями из недавнего прошлого. В своих рассказах я постарался как можно более реалистично описать некоторые события, свидетелем и участником которых я был.

Дмитрий Шульман

Боцман

Влажный нос лежал на передних лапах и чуть заметно вздрагивал. Лапы были очень уставшие, замерзшие за целый день беганья по тайге и совсем уже немолодые. Их владелец растянулся прямо на полу зимовья и, изредка моргая седыми ресницами, смотрел, как проскакивают искры за дверцей неплотно закрытой печки. Временами, не справляясь с усталостью, глаза закрывались и тогда только уши вздрагивали от звуков, показывая, что их хозяин не спит.

На печке грелась сковорода. Молодой парень открыл банку тушенки и ее приятный запах наполнил нагретый воздух зимовья. Влажный нос стал еще влажнее и даже немного приподнялся вверх. Нос принадлежал рыжей, с пробивающейся на морде сединой, лайке, в эту осень ей пошел девятый год. Именно возраст и положил пса у печки, заставляя охотника каждый раз переступать через него. Пес ощущал этот возраст в натруженных лапах, в уставшем теле и глазах, потерявших былую зоркость.

Между тем банка с остатками тушенки наполнилась теплой водой, хлебом и оказалась прямо между лапами возле носа. Темные глаза Боцмана, так звали собаку, благодарно поднялись вверх, а самому ему даже не хотелось шевелиться.

– Ну, поешь немного. Пока мы ужин приготовим, поешь. Устал, старик?!

Боцман пошевелил хвостом и, ленись вставать, подвинул банку лапой. От съеденного он еще больше утомился, лег набок, растянулся, растопырил пальцы лап, между которыми

смешно торчала густая длинная шерсть. Глаза закрылись и, слушая треск дров в печке, тихий шум ветра за лиственничными бревнами зимовья, пес вспоминал свою долгую собачью жизнь...

Восемь лет назад, когда мороз сковывал по утрам лужи, а осенний ветер гонял по льду желтые лиственничные иголки, на свет появились шесть черно-белых щенков и один рыжий. Старый егерь в этот вечер потихоньку ругал и себя, и суку, которая совсем не вовремя ощенилась.

Хотя быть или не быть щенкам решал он сам – летом приболевший Егорыч, сидя вечером у протопленной печи, подумал, что в этом году бегать с собакой он уже не сможет – пришла старость.

Утром он еще сомневался, а потом решил – пусть будут щенки. Как и каждый раз, ждал их с нетерпением, лучше кормил и чаще обычного гладил собаку. Сам он молоко не пил давно, а тут зачистил к соседям, у которых была корова. Когда появились щенки, каждого внимательно осмотрел и сразу решил, что рыжего оставит себе.

К концу месяца уже стало ясно, что выбор сделан правильно. Рыжий первый бежал к миске с едой и наевшись, так что под тяжестью живота сгибались лапы, последний отходил. Причем вся эта процедура по обыкновению сопровождалась грызней, и тогда, совсем наглея, щенок расталкивал своих братьев и сестер и залезал передними лапами в еду, за что был неоднократно наказан Егорычем. Впрочем, рыжего

это не останавливало, и он тут же, смешно ковыляя, бочком подбирался к заветной миске. Все щенки после еды укладывались спать и только рыжий еще долго ходил, тормозил их и пытался играть. Когда никто не хотел составить ему компанию, он мог приставать к Егорычу или просто гоняться за своим хвостом. Среди своих он пользовался собачьим уважением и авторитетом, и поэтому Егорыч, в молодости служивший на флоте, назвал его Боцманом.

Время в человеческом измерении идет быстро, а по собачьим меркам еще быстрее. Наступила первая осень подросшего Боцмана. Тайга расцвела красным цветом рябины, лиственницы роняли свои иголки, земля становилась желтой, чистой, как и прозрачный воздух, настоявшийся на запахах осени. Когда почва подмерзла и кедровый стланик в ожидании снега покорно лег на землю, а сидеть дома стало невмоготу, старик не выдержал – собрал продукты, подремонтировал лыжи, подкупил десяток новых капканов. Вообще, все хозяйство было в тайге, и он знал точно, что в каком зимовье у него находится. Знал, где мало дров, где сколько керосина для ламп, куда нужно прихватить пленку, так как медведь частенько то ли из любопытства, а может и от раздражения, разбивает стекла. В этот раз брать с собой стекло он не мог потому, что хотел добраться попутным вертолетом. В семидесятые годы были не только попутные машины, но и вертолеты. Рыбаки и охотники могли договориться с геологами, нефтяниками, а иногда достаточно было и ру-

кой помахать, чтобы вертолет сделал круг и сел на небольшую площадку или поляну в тайге.

Боцман увидел вертолет в первый раз и подойти к нему не решался. Егорыч уже не раз приучал собак к воздушному транспорту, поэтому остановился подальше от вертолетной площадки и подождал, когда уляжется пыль и остановятся винты. Подошел, подал сначала вещи, потом взял на руки собаку и поднялся на ступеньки, отпустил Боцмана перед самым входом и легонько подтолкнул коленкой, мол, давай парень шустрей, времени нет.

Внутри пахло керосином, железом, машинным маслом, одним словом – авиацией. Боцман улегся возле рюкзака, уткнул нос в колени хозяина и, оставляя под руками широко открытыми одни испуганные глаза, напряженно слушал, как начинал грохотать двигатель, раскручивая винт.

Конец октября раздел тайгу, ее наряды лежали желтыми дорожками на оленьих тропах, на склонах вдоль рек и ручьев. Мари желто-бурого цвета застыли в оцепенении от довольно сильных морозов, лед на лужах уже не таял днем, а на реках начали образовываться забереги.

Когда подлетали к месту, пилоты позвали Егорыча в кабину, чтобы подсказал, куда лучше приземлиться. Пес забеспокоился, побежал следом за хозяином, заскулил, но увидев, что тот идет обратно, расслабился и даже лег.

Двигатель не глушили и выходить Боцману было особенно страшно. Трава на мари только сверху казалась невысокой,

а на самом деле она шелестела под работающими винтами и волнами расходилась до самых деревьев. Егорыч присел, обнимая свои таежные пожитки двумя руками, но Боцмана с поводка не отпускал до тех пор, пока шум улетевшей машины не затерялся среди сопок.

Зимовье было рядом. В двадцати метрах на самом краю мари бил из-под земли родничок, и первое, что они сделали, это растопили печь и поставили чайник. Пес ходил, обнюхивал зимовье, под нарами толкал металлические банки с продуктами, разгонял непуганых мышей. Внутри все было в порядке: на столе миски, кружки, керосиновая лампа, над нарами подвешены спальники, инвентарь для обработки шкурок, в углу – сухие смолистые дрова для растопки печки. Егорыч поменял батарейки радиоприемника, и когда тот заработал, Боцман от неожиданности даже присел, покрутил головой, расставив уши.

Время летело стремительно, день за днем, подгоняемое морозами и первыми буранами. Снег лег ровный, ветра утром не было. Тайга стояла чистая и красивая, только ручей тихонько журчал, приглушенный берегами, укутанными пушистым белым покрывалом.

Егорыч собрался быстрее обычного. Этого снега он ждал с нетерпением – ему предстояло в очередной раз посмотреть, как будет работать молодая собака. Они пошли в самые заветные места, о которых знал только он, где едва заметные приметы и следы показывали, что тут точно жили соболя.

Опыт старого охотника не подвел – Боцман загнал на дерево большого «кота», Егорыч дал собаке «поработать». Рассмотрев зверя получше, он увидел, что хвост распушенный, а значит соболь вылинял. Егерь поднял ружье, долго примерялся, стараясь выстрелить в тот момент, когда среди веток будет хорошо видна голова. Зверь падал, обламывая тонкие замерзшие ветки. Собака перестала лаять и бросилась к месту падения. Темно-коричневая блестящая шерсть скользила по веткам. Боцман подбежал к соболю, когда тот уже лежал на земле. Подскочил, вцепился, азартно несколько раз подбросил, перебирая зубами. Егорыч строго прикрикнул, пес вроде бы выпустил зверя, но потом опять схватил и, лишь когда хозяин крикнул второй раз, нехотя положил соболя на землю и суетливо забегал рядом, поглядывая наверх на дерево, словно ожидая, что там еще будет добыча.

Потревоженная лаем собаки и выстрелом совсем рядом прокричала сойка. Егорыч бережно поднял соболя, отряхнул снег, иголки, подозвал собаку и достал из кармана печенье. Боцман быстро его разжевал, проглотил, а потом стал нюхать соболя, смотреть хозяину прямо в глаза, очень сильно вилять хвостом и, обнаглев, попытался даже прихватить его зубами. В другое время, при других обстоятельствах Егорыч повел бы себя строже и наверняка наказал бы собаку. Но в этот раз, держа в руках еще теплого зверя, он понимал, что этот соболь – первый для Боцмана и один из последних для него. Он только улыбался, вздыхал и ничего не делал, да

и не думал, наслаждаясь охотой.

День приближался к обеду, когда они вернулись в зимовье. Вечером, сидя у печки, Егорыч чаще обычного разговаривал с собакой. Боцман слушал ровный, хриплый голос, для приличия крутил головой и, лишь услышав кличку, вздрагивал, смотрел в глаза, морщил нос и растягивал в собачьей улыбке черные губы. Потом опять ложился, шумно дышал и с интересом смотрел, как от выдыхаемого воздуха летают лиственничные иголки.

Жизнь шла своим чередом. На следующий день пес загнал несколько белок, потом еще соболя и еще. Постигая охотничью науку, он кружил по тайге и работал, работал. По вечерам, лежа под нарами, засыпал, слушая гул печки, во сне вздрагивал, перебирал лапами, переживал увиденное за день. По всем правилам охотничьей науки ему бы не растягиваться в тепле, а свернувшись калачиком спать на снегу в ямке или, на худой конец, в сенях зимовья, но хозяин не оставлял его на улице. Просто жалел.

Шли последние дни ноября. Снега выпало много, реки замерзли. Боцман познакомился с выдрой и от этого знакомства у него осталось несколько шрамов. Соболя стали попадать в капканы, да и глубокий снег уже не давал собаке возможности работать и загонять их.

Однажды, обходя участок, они увидели чужие лыжные следы. Еще больше удивился Егорыч, когда увидел свежесрубленную жердь и соболий капкан. Преследование было

недолгим. Скоро они догнали двоих, поставивших к этому времени с десятков капканов. Боцман не знал, о чем они говорили, но по резкому тону хозяина понял – тот сердится.

Возвращаясь в зимовье, они сняли капканы чужих. Снимали вдвоем – забегая вперед, пес облаивал их злобно и сердито, а самое главное – старательно. Так старательно, что хозяин пошутил:

– Боцман, если ты так будешь лаять, то все капканы закроются сами.

Слов пес не понял, но сказаны они были очень тепло. Он повернулся, проскальзывая по снегу, подпрыгнул, лизнул Егорыча в щеку и увидел в его глазах, в их самой глубине, тревожные огоньки.

К ночи подул западный ветер, мороз стал слабеть, деревья в тайге перестали потрескивать. Егорыч улегся на нары, долго ворочался, вздыхал. Боцман, набегавшись за день по глубокому снегу, уснул сразу, но среди ночи проснулся от незнакомых и непонятных звуков... Прислушавшись, заметался по зимовью, злобно рыча. Пламя рванулось по облитой бензином двери, забралось под крышу, охватило всю избушку. Хозяин подхватил ружье, куртку, резко толкнул дверь, выскочил. Из тайги раздались выстрелы – обычные, точно также стрелял Егорыч на охоте. Но только после этих выстрелов он, ахнув, упал в снег. Пес бегал вокруг хозяина, лизал еще теплые руки и не мог понять его неподвижности. Не мог понять, почему вдруг резкий запах крови и едкого дыма

наполнил воздух, воздух, который был уже не нужен убитому охотнику.

...Семь лет Боцман провел в городской квартире. Каждое утро он деловито выбегал из подъезда и для собачьего приличия и достоинства облаивал редкую для северного Сахалина соседскую кошку. Все это время его никуда не брали и не возили. Егорыч жил один, а когда его не стало, собаку забрала к себе дочь.

Все эти годы он помнил шум тайги, ее запахи. По вечерам, когда становилось особенно грустно, он подходил к теплой батарее, тыкался в нее носом и, немного послушав, как булькает вода, отходил. Пахло краской, пылью, дрова не трещали. Жизнь была скучная и однообразная. Боцман иногда, особенно по осени, видел, как люди брали ружья, своих собак и уезжали на охоту. От этого ему становилось совсем грустно и одиноко. Он не раз подходил к тем машинам, от которых пахло охотничьими запахами. На него смотрели, о чем-то говорили, спорили и никуда не брали.

Но однажды случилось то, чего он ждал долгие семь лет. Накануне был праздник. В квартиру пришли люди, один из них о чем-то долго говорил с хозяйкой и несколько раз называл его имя. Боцман даже подошел, словно чувствуя необычность ситуации, стал заглядывать в глаза и переступать на месте лапами. В конце разговора на него посмотрели, погладили по голове, потрепали уши, и он понял, что что-то случилось или должно случиться.

На следующий день, когда он гулял на улице, во двор въехала машина. Лужи за ночь покрылись тонким льдом, и Боцман развлекался – проваливал его лапами. К великому удивлению пес услышал свою кличку и доверчиво подошел. От вчерашнего гостя исходил запах тайги, который пес уже начинал забывать. Его подняли на руки и посадили в машину. Внутри сильно пахло охотой. Боцман осмотрелся и увидел похожую на себя рыжую лайку, которая в ожидании долгой тряской дороги забралась на скрученный в чехле спальный мешок.

Сквозь ружейные чехлы пробивался запах масла, горячий хлеб остывал в бумажных мешках, его аромат волнами накатывал всякий раз, когда машину бросало на ухабах.

До места добрались поздно вечером, из машины стали выгружать вещи, и, спотыкаясь в темноте о невидимые под снегом корни деревьев, переносить их в зимовье. Собаки в очередной раз обнюхались. Легкая и прыгучая лайка Айка бегала между деревьями, выскакивала на тропу, путалась под ногами у хозяина. На нее прикрикнули, она исчезла в темноте, потом стала мелькать впереди своим рыже-белым хвостом. Боцман попробовал за ней увязаться, но отстал. Не желая попадать под ноги хозяину, отошел в сторону от тропы и растерялся, не сразу разобравшись – от чего.

Запахи тайги – подмерзшего багульника, сырой коры на деревьях, снега на ветках – возвращали его в дни молодости.

Вещи занесли внутрь, растопили печь. Водитель не до-

ждался чая, хлопнул хозяина по плечу рукой, сказал что-то веселое. Через некоторое время звук автомашины пропал среди засыпающих сопок.

К ночи стало подмораживать. Дверь зимовья была открыта. С теплым дымным воздухом уходили сырость и мышинный запах пока еще не обжитой избушки. В квадрате света от керосиновой лампы на снегу лежал Боцман, слушал тишину, всматривался в темноту и ждал утро. Айка набегалась, беспокойно осмотрелась, подскочила к открытой двери, но не решилась перепрыгнуть через порог и улеглась рядом. Она постоянно крутила головой, а когда хозяин появлялся в дверях, или только его тень, переламываясь через два порога, мелькала на снегу, Айка виляла хвостом, чуть заметно его приподнимая. Тучи унесло ветром, звезды стали синеватыми и заискрились бело-желтым, порой ярко-синим золотом на темном небе.

Прошло совсем немного времени. Каждая привезенная вещь нашла свое место в зимовье. А когда каша сварилась, печка раскалилась до красна и крышка чайника стала подпрыгивать, собак позвали. Айка, лежавшая у порога, проголодавшаяся и одурманенная запахом еды, мгновенно оказалась у ног хозяина. От нетерпения она переступала лапами на месте и заглядывала в глаза. Боцман повернул голову и вроде даже сделал движение, чтобы подняться, но вильнул хвостом и остался лежать. В зимовье ему идти не хотелось... Его окликнули еще раз, но он, извиняясь, вильнул хвостом

и остался лежать на снегу, устроившись на ночь. Под утро похолодало. Тонкие ветки, обледеневшие в оттепель, под порывами ветра стали постукивать в темноте, но большие деревья не трещали, а значит и большого мороза не было.

Боцман не спал, лежал свернувшись, прикрывая нос пушистым хвостом, и смотрел, как месяц переплывает старый геологический профиль, уходящий от зимовья вверх в сопки. Одним краем он зацепился за ветки лиственницы, и они стали золотыми, другой повис над ледяными сопками – в прозрачном ночном воздухе казалось, что они совсем рядом.

Под утро пес задремал. Его разбудил шум в зимовье, когда растапливали печь. Из большой кастрюли получил свою порцию каши с рыбой. Встал, потянулся, прогнул спину, по очереди вытянул задние лапы, завилял хвостом и быстро все съел, старательно оближал миску и уже не ложился на снег, а застыл у дверей в ожидании.

Он ждал этого момента очень долго и сейчас никак не мог прозевать, когда хозяин появится на пороге с ружьем. Айка наелась и суетилась вокруг зимовья, попыталась заигрывать с Боцманом, но он зарычал не сердито, но с явным пренебрежением, и она обиженно отошла в сторону.

Дверь скрипнула, Боцман присел, невысоко подпрыгнул, бросился вперед и заметался, растерянно оглядываясь, не зная, куда бежать. Потом понял и направился к реке. Айка побежала следом.

На снегу было много следов, Боцман ходил от одной до-

рожки следов к другой, опускал нос в каждую ямку на снегу и вдыхал, жадно тянул в себя воздух. Следы ничего не говорили. Так продолжалось в течении часа. Несколько раз он поднимал голову, смотрел на хозяина. Если их взгляды встречались, пес опускал глаза и с усердием нюхал и нюхал следы. Но во всем его поведении чувствовалась растерянность и виноватость. Одни следы были совсем без запаха, другие вроде пахли, но не было самого главного запаха, от которого кровь закипала, и хотелось преследовать и загонять. В очередной раз уткнувшись носом в пустой след, Боцман беспомощно сел и осмотрелся вокруг.

Снег, синеватый на полянах и с зеленым оттенком в густых ельниках, приглушал крики соек. Впереди простиралась большая марь, горельник, пустошь, лес начинался у другой реки... Жизнь Боцмана без охоты была похожа на это место и пес понял, что там, возле реки, он должен найти тот след, который вернет его в молодость, и он сможет доказать и себе, и хозяину, что в этой жизни он чего-то стоит.

Оленья тропа на мари с сильным запахом потревоженного мха уже не смогла отвлечь внимание Боцмана от собольего следа. Он лишь на мгновение замер, почувствовав, как кровь быстрее побежала по жилам... Он знал, что будет дальше, его чутье не обмануло, и соболь, загнанный на вершину листовницы, был победой над его прошлым. Потом были прекрасные дни охоты, тайга помогла ему помолодеть и напомнила о человеке, который назвал его Боцманом.

Бекон есть?!

Воздух небольшого крытого павильона рынка, насыщенный запахами творога, меда и сала, чуть дурманил, кружил голову, было раннее утро, и я еще не завтракал.

– Бекон есть? – опять спрашиваю у дядьки, торгующего мясом и салом. Он внимательно смотрит на меня, его глаза округляются, красноватый нос начинает шумно втягивать воздух, а я смотрю на его ноздри и мне кажется, что они шевелятся, как у кролика. И становится очень смешно, но сдерживаюсь и третий раз задаю свой вопрос.

– Чаго, бякон? – он еще сильнее напрягается. – Мясо есть – свинина, баранина свежая... Бякон? – уже сам у себя спрашивает дядька. – Покупай что есть, – говорит он мне.

Стою, смотрю на отполированную поверхность мраморных прилавков, присыпанную солью, и точно знаю – мне нужен бекон. Я полночи читал Джека Лондона, и в его рассказах Смок Белью и Малыш ели бекон с бобами. До бобов дело еще не дошло, их должны продавать на улице, но сначала нужен бекон. Нет, то что есть, покупать не буду точно. В руке зажата трехрублевая бумажка. Мне не надо, что есть, мне нужен бекон.

Я с утра проснулся очень рано, сегодня воскресенье и родители очень удивились, но еще больше удивились, когда я сказал, что пойду на рынок и что мне нужны деньги. Десять лет – рановато для самостоятельных походов на рынок. Мать смотрит растерянно на меня, на отца и недоверчиво спрашивает, зачем я собрался на рынок и что буду покупать?! Я в

замешательстве, не хочу раскрывать продуманный в деталях план дальнейших действий, не знаю, как объяснить, для чего собрался на рынок. Но все герои Джека Лондона очень решительные:

– Мне нужно купить бекон и бобы...

У матери в глазах страх, у отца – удивление. Это он недавно купил книги Джека Лондона и меня уже несколько раз заставляли ночью за чтением под одеялом и отбирали фонарик. Потом ругали за то, что разрезал новую бельевую веревку, пытаюсь сделать упряжь для соседской собаки – прекрасной эстонской гончей, которая была очень доброй к детям, гоняла зайцев, но никак не хотела таскать детские санки.

– Бекон и бобы, – говорит отец, улыбается и идет в коридор, где висит его пальто. В правом внутреннем кармане всегда лежит кошелек.

– Что ты делаешь, – спрашивает мать, – зачем ему бекон и бобы, дома полно еды, зачем?!

Отец улыбается, а я подпрыгиваю от нетерпения, подбегаю к матери, обнимаю и хочу рассказать, но меня останавливает отец:

– Я сам объясню, а ты беги на рынок, а то продадут и бекон, и бобы.

Мать возмущается:

– Рано, начало восьмого, холодно. Только не беги, надышишься морозным воздухом, потом кашлять будешь.

Отец ее успокаивает и, пока я впрыгиваю в валенки, дает

мне три рубля...

Запах специй, чеснока и соленого сала кружит голову, есть хочется очень сильно.

– Мне нужен бекон! – говорю это громко, надеясь, что меня услышат рядом стоящие продавцы. Подошедшая женщина улыбнулась, услышав мой вопрос, и спросила:

– У кого есть хорошее сало с мясом, подчеревье?

Подчеревье – странное слово, первый раз слышу и, не понимая, говорю, что нужен бекон, а не это подчеревье. Женщина улыбается, белый накрахмаленный халат отсвечивает синевой, на кармане вышиты инициалы. Она смотрит на меня очень весело и по-доброму объясняет, что это и есть бекон, наш белорусский бекон. Я задумался, напрягся, получалось на Аляске ели бекон, а в Белоруссии едят подчеревье. Что делать?..

– А посмотреть можно?!

– А что его смотреть, – говорит торгующая рядом с дядькой женщина и быстро начинает раскладывать ровно нарезанные куски то ли подчеревья, то ли бекона. Красивые полоски сала перемежаются полосками мяса, и я начинаю понимать, что уже не раз мать жарила мне этот продукт с картошкой или с яйцами. В душе легкое разочарование, я ожидал увидеть фантастический бекон, легендарный бекон, который помогал выживать на Аляске героям Джека Лондона.

В моем воображении это было что-то необычное и очень вкусное, а оказалось – простое сало с прослойкой, которое я

с удовольствием ел уже много раз. Но ел без бобов...

Я задумался, решая, какой кусок брать, и в это время опомнился дядька, шумно, очень шумно засопел, лицо его покраснело, он засуетился за прилавком, метнулся к колоде, на которой лежал топор, схватил полтуши кабана, повернулся ко мне и заговорил уже совсем по-другому, как со взрослым, он понял, что я точно буду покупать:

– Смотри какое мясо, где тут для тебя рубануть?! Показывай, сынок!!!

Я опять замешкался, немного растерявшись, но тут женщина, которая уже разложила передо мной мясо, опять заговорила громко и нараспев:

– Мальчик, а мне и рубить не надо, посмотри какой бекон...

Она была чертовски хитра и умна, я, услышав волшебное слово, повернулся к ней. Кусок бекона-подчеревья был очень красивый, с ровными широкими и пропорционально сужающимися полосками мяса, розовое у мяса сало становилось белоснежным у шкурки. Сомнений не было – покупаю!!! Купил, на удивление денег отдал меньше рубля, и тут дядька, увидев как мне дают сдачу, показал себя настоящим психологом. Он быстро отрубил кусок и на вытянутых руках уже держал его над прилавком. Руки у него были сильные, загорелые, покрытые буграми мышц. В этот момент я представил, что это Малыш, который предлагает мне настоящий бекон. Дядька наверное и сам ничего не понял, но деньги

уже были в моей руке.

– Да я тебе подешевке отдам, хоть буду знать теперь, что такое бякон, – он так и продолжал говорить «бякон», и мне стало очень смешно.

– Ты чего смеешься, – он опять засопел, зашевелил ноздрями. Я еще больше развеселился, но чувствуя, что могу его обидеть, остановился и сказал откровенно, что он забавно шевелит носом. Дядька расслабился, улыбнулся и начал рассказывать про своих внуков, как они просят его пошевелить ноздрями и всегда смеются. Потом он спросил у меня, где я таких непонятных слов нахватался.

И тут, конечно, меня понесло, я начал рассказывать про Аляску, про героев Джека Лондона, про страшные и очень интересные истории, которые с ними приключались... Когда мы с ним уже «переваливали» через Чилкутский перевал, а собаки не могли тащить сани по глубокому снегу, опять подошла женщина в белом халате и сказала мне, как хорошему знакомому:

– Тебя уже родители ждут, звонили, пора домой возвращаться.

– А вы что – моих родителей знаете?!

– Конечно, – ответила она, – пойдем на улицу, будем бобы покупать...

Удивлению моему не было предела:

– А вы откуда про бобы знаете, вы чем торгуете?!

– Да ничем, я ветврач, продукты у крестьян проверяю, а

родителей твоих знаю хорошо.

Мы вышли на улицу. Там было много разных товаров, в бочках – соленые огурцы, в корзинах – яйца, в загончиках – живые куры и гуси... Остановились перед прилавком, на потемневших от времени досках стояли мешки, мешочки из разной ткани, рядом граненые стаканы, наполненные фасолью, горохом, разными семенами.

– Ну, выбирай бобы, – сказала женщина ветврач. Я опять не понимал, что надо выбирать. Где бобы, мне ведь бобы нужны. Переминаясь с ноги на ногу, я держал в руке сетку с драгоценным беконом, завернутым в бумагу. Пакетов тогда и в помине не было, почти все заворачивали в газету.

– Где бобы? – это уже вслух спросил я у моей новой знакомой. Она подошла поближе и вдруг все тетки, сидевшие за прилавком, всполошились. Они разом подскочили и со всех сторон начали наперебой говорить:

– Ивановна, что тебе надо?! Ивановна, вот горох хороший, вот горчичка белая для колбаски... Ивановна, фасоль, смотри, какая хорошая!!!

Ивановна посмотрела на меня, улыбнулась и громко сказала:

– Нам нужны бобы! Бобы, – еще раз повторила она.

Тишина воцарилась мгновенно, тишина позволила услышать звуки всего рынка. Даже стало слышно, как галки шумно галдят, летая над церковью.

Первой опомнилась бабушка, стоящая напротив нас:

– Ивановна, это какие-то бобы, – и продолжила дальше, – мы тут все бобовыми торгуем, говори, что тебе надо.

Ивановна повернулась к бабушке и опять улыбнулась:

– А ты нам, Светлана Михайловна, продай самой крупной фасоли, она для нас и будет бобами....

Бабушка засуетилась, высыпала из мешочка фасоль и стала выбирать самую крупную.

– Нет-нет, – остановила ее доктор, – сильно-то не выби-рай, эта годится.

Повернувшись ко мне, спросила:

– Ну что – берем?

Фасоль была очень красивая, белая, с мраморными прожилками, ее кожица матово блестела. Рядом стоящая женщина схватила свой мешочек, наполовину заполненный фасолью, и стала его трясти:

– А мне и перебирать не надо. Сейчас мальчик, погоди, вся крупная сверху будет!!!

Я опять немного растерялся, но буквально на мгновение, бобов нужно было, как у Джека Лондона, купить ровно на два приема еды. Готовить бобы предстояло не дома на плите, хотя она тоже топилась дровами, а на костре, ночью в лесу.

У меня есть тайна, очень тайная тайна, мне надо себя испытать. Мне очень хотелось убедиться, что я не боюсь, а для этого нужно пойти в лес. Он находился в трех километрах от города, и мне уже не раз приходилось там бывать. Но это было летом, когда мы играли в войну. Лазили по настоящим

окопам, подремонтировали блиндаж; пока лопатой поправляли бруствер, нашли несколько пуль, гильз, патронов. В августе – сентябре в этом лесу много грибов: красные подосиновики, крепкие, с коричневыми шляпками подберезовики. И еще там был хутор, очень замечательный хутор. Война его не тронула, хотя бои шли рядом, буквально в километре.

Жил там Анатолий Васильевич, учитель физики, работал он в другой школе, но нас научил многому. Как колоть дрова, как разжечь костер. Грибы с ним собирать было одно удовольствие. Вроде ходишь за ним по пятам, а получалось, как будто сам находишь уже примеченный им гриб. Научил быть терпеливым и старательным: когда бидончик с земляникой не хотел наполняться быстро, а солнце уже стояло высоко и комары доставали, он просто говорил:

– Ты же мужчина, ты же хочешь порадовать маму...

Так вот тайный план был такой. Я хотел отпроситься у родителей сходить на хутор. Сначала нужно развести в лесу костер, приготовить бобы с беконом, поесть... Это днем, потом зайти на хутор, поговорить с Анатолием Васильевичем, но после не идти домой, а опять вернуться в лес, развести костер и уже в темноте приготовить себе поесть. Испытанием должны были стать темнота, ночной лес, одиночество, умение обустроить зимой стоянку и приготовить еду.

Бобов я накопил много: белую фасоль – у бабушки, коричневую, пеструю – у тетеньки, которая ее трясла в мешке, а потом высыпала на прилавок. Она красиво раскатилась, ее

приятно было помогать собирать. Доброта этих людей согрела все вокруг в то холодное декабрьское утро. Ивановна помогла мне аккуратно сложить покупки, поблагодарив ее, я помчался домой. Уже рассвело, солнце выплывало красной зарей, мороз становился сильнее, но мне было жарко.

В кармане моего теплого зимнего пальто с меховым воротником еще позванивала мелочь, в руках я нес бекон и бобы. Проходя мимо хозяйственного магазина, вспомнил, что мне нужна веревка – длинная белая прочная веревка. Взять ее дома было нельзя, одну порезал, на второй мать сушила белье.

В магазине пахло хозяйственным мылом, дегтем, краской, металлом, особенный запах был у гвоздей.

– Продайте, пожалуйста, веревку, белую, самую длинную.

Продавщица не торопясь выплыла из-за прилавка и скрылась в подсобке, потом оттуда раздался ее недовольный голос:

– Ну где ты там, иди, смотри свою веревку!

У ног этой не худой женщины лежала бухта веревки, белой, очень толстой.

– Это же канат, – имел неосторожность сказать я, – мы по такому на физкультуре лазаем.

Мои слова вызвали бурную реакцию, она вся как-то заколыхалась от возмущения:

– Веревка ему нужна, а сам не знает какая!..

Но я точно знал какая – белая, прочная, длинная и неви-

димая. Последнее озадачило и возмутило ее еще больше.

– Какая-токая невидимая, я что тут – сказками торгую? У меня дела серьезные, хозяйственные, люди для дома все покупают.

И тут я сказал еще одну глупость, но она мне помогла. Возмутившись, выпалил, что не прошу у нее ковер-самолет, знаю, что не продают, а прошу веревку. Продавщица, к моему удивлению, на мгновение опешив, рассмеялась:

– Ты сказок начитался?..

– Не сказок, а Джека Лондона, – ответил я вызывающе. Пауза затянулась, она что-то пробормотала, а потом спросила:

– Ты читал «Белый Клык», мне сын рассказывал. Так может, тебе нужны суровые нитки?

– Мне нужна веревка!!!

– Для чего тебе нужна веревка? – разговор приобретал деловой характер. Рассказывать тайну было нельзя. Я замолчал, а продавщица достала со стеллажа моток то ли веревки, то ли ниток. – Смотри, – сказала она, – прочные, белые, почти невидимые, такие прочные не порвешь, ими что угодно делают, можно и валенки подшивать, и для лошадей сбрую шить. Покупаешь?!

Я подержал в руках, посмотрел, намотал на кулаки и попробовал порвать. Руки краснели, синели, но толстые нитки не рвались, именно такие нитки – веревки были мне нужны для испытания тайной. И нечего было думать и сомневаться.

Купил. Денег осталось пятьдесят копеек.

Дома меня уже заждались, воскресный завтрак – это когда все вместе. На кухне было очень тепло, топилась плита. Дрова потрескивали, на черном металле стояли кастрюли, готовилась еда на завтрак и обед, кольца, закрывающие отверстия, накалились, чайник шумно сопел, вода вот-вот должна была закипеть.

Мать достала сковороду, говорит:

– Давай свой бекон, будем жарить.

Все отдавать нельзя, а ведь картошка уже почти сварилась, в эмалированных мисках на столе соленые огурцы, грибы, нарезанный кольцами лук, крупная серая соль, перец. Все пахло нестерпимо аппетитно, одним словом, утро, кухня, воскресный завтрак. Я положил на стол бекон (половину вместе с бобами припрятал в холодном коридоре).

В кухню вошел отец, спросил, почему я так долго гулял по рынку? Пришлось подробно рассказать про все: что бекон оказался подчеревьем, а бобы – фасолью, и про Ивановну. Родители посмеялись, мать нажарила по-быстрому сала с мясом, сели завтракать. Когда чаевничали, я стал отпрашиваться на хутор. Отпустили, предупредив, что декабрьский день короткий, на улице морозно, хоть и не очень, но все равно холодно. Метели вроде не должно быть, но возвращаться надо засветло.

Это меня сильно смутило, ведь план совсем другой, а рассказывать тайну нельзя.

Вообще-то мы собирались идти вдвоем с соседом, который старше меня на год. Сначала он согласился. Вроде интересно зимой в лесу приготовить на костре еду, интересно посидеть, помечтать, поговорить, но когда разговор пошел, что сидеть надо до темноты, что домой придем часам к восьми, он меня не понял. Зачем до темноты, потом возвращаться по лесу, по полю, а если сократить дорогу, то вообще идти придется мимо кладбища... Он спросил, точно большой, разве еда вкусней будет от темноты, да и потом по телевизору кино интересное. Я пытался его уговорить, предложил почитать Джека Лондона. Он согласился, но читал совсем другие повести и рассказы – там не было Аляски и ее героев, не было охоты, собак, перевалов, там была городская жизнь... Словом, он не захотел, но согласился никому не говорить про мой тайный план.

Солдатский вещмешок был вместительный, котелок я положил на дно, в него хорошо лег бумажный пакет с бобами и бекон. Хотя хлеб на Аляске не ели, но пару ломтей душистого ржаного хлеба с нашей пекарни я взял с собой. Спички завернул в отрезанный от старой велосипедной камеры кусок резины и замотал веревочкой. Спички должны быть всегда сухими. Заранее приготовил самых смолянистых щепочек, ведь зимой костер развести совсем не просто – не всегда все получалось хорошо, даже если использовать сухие еловые веточки и бересту. Смоляки, так называли янтарные от смолы щепки, были вне конкуренции. Моток купленной ве-

ревки занял немало места. Когда было собрано все необходимое, вещмешок оказался довольно тяжелым. Небольшой нож, купленный на рынке еще год назад, я положил в карман пальто. Ножны для него сделал из березовой дощечки, которую долго выбирал, чтобы не только лезвие, но и половина ручки спрятались. Ножны получилось хорошие, легкие, прочные. Сосед-охотник, чью собаку я пытался запрягать в санки, посмотрел и похвалил.

Теплые штаны с начесом, свитер, драповое пальто с коричневым цигейковым воротником, офицерская меховая шапка, вязанные рукавицы. Шарф я не любил, но споров не хотелось, поэтому просто намотал его на шею. Валенки без галош и лыжи с простыми ремешками заранее приготовил.

– Ну, я пошел!..

Отец смотрел по телевизору хоккей, повернулся в мою сторону и молча кивнул головой. Мать выглянула из кухни, велела не задерживаться.

Дверь подъезда хлопнула, сильно, как стартовый пистолет. С утра было солнце, морозно, но теперь появились темные облака. Было понятно, что луны точно не будет, подумалось, хоть бы метель не началась. Путь к хутору сначала шел вдоль дороги, по которой в те годы редко ездили машины, зато саней с запряженными лошадьми было много – крестьяне возвращались с рынка домой.

Натертые свечкой лыжи хорошо скользили. Вещмешок удобно улегся на спине и его тяжесть почти не чувствовалась.

Ветер гнал снежную поземку по дороге, крутил вдоль снежного бруствера солому и сено.

– Эй, парень, далеко собрался? Садись, подвезу, – чуть придерживав лошадь, окликнул меня дядька, одетый в полушубок, высокий воротник поднят, шапка надвинута на глаза. Но мне нельзя, идти нужно самому. В другой раз, даже не думая, забрался бы – так здорово ехать в санях, особенно когда лошадь пускают рысью, и чувствовать ветер, запах сена, ну и все остальные запахи, от которых никуда не денешься и которые могут быть у лошади.

Лыжи мягко пружинят, декабрьский морозный воздух пахнет хвоей и корой. На хуторе меня уже ждали. На плите, в стороне от самых жарких мест, стоял чугунок со щами. Стоял так, чтобы щи не кипели, а томились. Дрова потрескивали, запахи чеснока, сала, свежего хлеба будили аппетит. Я достал из рюкзака бобы, бекон, попросил кастрюлю, сковородку. Бобы варятся долго, поэтому поставил вариться все, что у меня были.

Щи были восхитительные, на свиных ребрышках, перченые, но нежирные. Анатолий Васильевич за обедом постоянно шутил, спрашивал, куда это я собрался?! Пришлось рассказать, что пойду в лес, буду изучать заячьи и лисьи следы, потом разведу костер, приготовлю поесть, посижу у костра, подумаю.

– Смотри, сейчас темнеет быстро, – сказал он мне, а я на удивление самому себе, ляпнул, что люблю темный ночной

лес. Он удивленно поднял свои лохматые брови. – Ты когда его успел полюбить, темный лес?

– Да я... я его в книгах полюбил...

– В книгах можешь любить, а домой возвращайся вовремя, – коротко и достаточно резко сказал мне Анатолий Васильевич. Пришлось позвонить домой. Трубку взял отец, я сказал, что у меня все в порядке, собираюсь домой, но торопиться не буду и приду, когда стемнеет. Отец выслушал, уточнил, сколько собираюсь гулять по лесу, остался доволен ответом. Мне пришлось ему пообещать, что не буду сильно углубляться в лес, а отойду один квартал и пойду просекой.

В доме было очень тепло. Но время не ждало, пора идти. Я и не заметил, как мои валенки поставили на печь, одевать теплые было очень приятно. Мы вышли на улицу. Во дворе поземка крутила свежий снег. Начиналась метель. Мягкие ремешки на лыжных креплениях приятно стягивали валенок и хорошо держали, лыжи не болтались. Анатолий Васильевич пожал мне на прощание руку, поправил на плече лямку вещмешка, открыл и придержал калитку, пока я выползал со двора.

Ну все, свобода! Начиналась тайная часть моего плана. До леса было совсем рядом, метров двести. В верхушках больших сосен сильно шумел ветер, вороны, потревоженные непогодой, громко каркали, но это было привычно. Внизу мела легкая поземка, иногда поднимая белые паруса метели. Лыжи скользили, утыкались в небольшие сугробы, но идти

было легко и приятно.

Это место мне запомнилась еще с осени. На уютной поляне росли небольшие осинки, несколько березок. Осенью здесь мы находили ярко-красные подосиновики, подберезовики с коричневыми шляпками. Зеленый мох, папоротники, шум осиновых листьев, пятна желтых березовых листьев. Сейчас ничего не было, снег, голые деревья, и только незаметные осенью маленькие елочки резко выделялись на белом фоне. Я осмотрелся. Снега много, почти по колено, очень пушистый. Быстро снял лыжи, взял одну двумя руками и очистил площадку для стоянки. Наломал лапника, на котором хорошо сидеть возле костра. С топором было бы быстрее, но большой точно не потащишь, а маленький все время лежал на кухне и его отсутствие сразу бы заметили. Место для костра очистил от снега очень тщательно, наломал сухих еловых веток. Старательно переломал все принесенное, сложил, так, чтобы мелкие веточки были снизу, сверху положил потолще, достал из мешка смоляки, все в костер класть не стал, половину опять завернул в вощеную бумагу и спрятал в вещмешок. На фоне запаха снега, ломаных еловых и можжевельных веток, запах дыма резко и приятно ударил в нос. Смоляки разгорелись, подхватились и веточки, костер разгорался, стало понятно, что теперь он не погаснет, не зря летом и осенью мы с мальчишками пекли в костре картошку. Я заморожено смотрел на огонь, он горел очень ярко, так ярко, что когда я отвел свой взгляд в сторону, то испугался.

Сгущались сумерки, и мне показалось, что наступила полная темнота, лес неожиданно стал загадочным и даже каким-то враждебным. Надо было побыстрее набрать дров. У того места, откуда я свернул в лес, стояло несколько сухих деревьев, небольших, совсем не толстых сосен. Я подошел и толкнул одну, ее высокая тонкая верхушка сильно раскачалась, я начал толкать еще и еще, и вдруг она отломилась и упала чуть ли не мне на голову. Другая сосенка сломалась практически пополам. Все это я подтащил к костру, собрал еще веток и получилась приличная гора дров. На толстый сук повесил набитый снегом котелок и пристроил над огнем. Снег внутри начал шипеть и оседать.

Теперь быстрее в лес, с каждой минутой стремительно темнело, а нужно было сделать очень важное дело. Я должен был быть уверен, что ко мне никто не подойдет незамеченным, для этого и нужна была моя необыкновенная веревка. Осмотрев уже обжитый лагерь, определил с какой стороны буду сидеть и куда буду смотреть. Моток был большой. Отойдя в лес, так чтобы огонь был еле виден, я привязал один конец веревки к толстой сосне на уровне колен и пошел по кругу, от дерева к дереву, обвязывая стволы и натягивая веревку. Костер не терял из виду, только иногда его скрывали очень плотные, припорошенные снегом кусты можжевельника. Получилось, что две трети круга, в центре которого находился костер, были огорожены. Так делали индейцы, когда разбивали свои стоянки. Они натягивали тонкие

кожаные ремни на уровне колена. Когда человек в темноте хотел незаметно подобраться к лагерю, он смотрел на огонь, а не под ноги, поэтому спотыкался и падал. Это был простой способ обезопасить себя от незваных гостей.

Я вернулся к костру, подбросил дров, бросил бобы в котелок, осмотрелся. Вместе с темнотой усиливались ветер и снегопад. Вещмешок был припорошен крупными красивыми снежинками. На приготовленный прутик нацепил несколько кусочков бекона и начал жарить на костре. Жир капал в костер и вспыхивал яркими огоньками. Приятно запахло и захотелось есть. Пустой вещмешок бросил на лапник, уселся. От костра шло приятное тепло, бобы разогрелись, я жарил бекон и бросал в котелок. Потом, хоть и был не сильно голодный, с удовольствием начал есть. Настоящая еда настоящих старателей Аляски... Жалко, что не было рядом собачьей упряжки.

Сидеть возле костра и смотреть на огонь было совсем не страшно. Сзади со спины в лесу была натянута веревка, рядом лежал нож, вытасченный из ножен, хотя, откровенно говоря, не знаю для чего, может для храбрости. Темнота наступила полная, но это была особая, сверкающая темнота, метель хороводила по поляне в отблесках костра. Часов у меня не было. Сколько времени я провел в лесу можно было определить приблизительно, но уходить никуда не хотелось. Дрова начали прогорать, надо еще подбросить. Подумал, что посижу, пока прогорят, и пойду домой. Но, когда я поднялся

и отошел в сторону, то ночь и метель в сгустившейся темноте показались мне совсем не дружелюбными. Следы, которые я натоптал в поисках дров, были прилично заметены, кое-где их даже не было видно. Джек Лондон писал, что самый большой враг для всех, кто находится в лесу, горах, на реке – это страх... Но бояться мне было нечего, об этом не раз думал, когда только появились планы испытать себя. К сожалению, к моему большому сожалению, медведи в нашем лесу не водились, да и спят они зимой. Волки в этот ближний к городу лес не заходили, правда следы рыси на песке показывал Анатолий Васильевич, когда мы собирали грибы.

Костер разгорелся с новой силой, темнота отступила. Ветер тоже стал менее порывистым, но снег повалил крупными хлопьями, такой густой, что пламя костра начало шипеть. По моим подсчетам прошло уже часа два, нужно идти домой. Я собирал вещи: смотал остаток веревки, доел бобы, их показалось очень мало, старательно выскреб котелок, облизал деревянную ложку, убрал в вещмешок, затянул узел. Снег валил не переставая, оставшиеся ветки совсем не хотели гореть. Стало очень неуютно на заметенной поляне.

Неожиданно мне показалось, что в лесу кто-то кричит, я поднялся, сделал несколько шагов от костра, приподнял над ухом шапку, стал вслушиваться. За снежной пеленой деревьев практически не было видно, только кроны сосен шумели и тяжело вздыхали под порывами ветра. Звук повторился, потом еще, правда порыв ветра его порвал и нельзя бы-

ло понять, кто кричит... В такой ситуации самое правильное было уйти со света в темноту, что я и сделал, подхватив лыжи, палки и вещмешок.

Кто это, почему кричит, что случилось? Бежать куда-то ночью, в метель совсем не хотелось. «О-го-го!» – донеслось со стороны хутора. «О-го-го!» – раздалось уже совсем рядом за деревьями. Я держал руку в кармане пальто, сильно сжав в кулаке нож. Сердце гулко стучало. Стоять и не шевелиться – приказывало подсознание, не шевелиться. Крик человека и его фигуру я услышал и увидел одновременно. В месте, где кроны сосен, стоявших очень близко, образовали что-то вроде крыши, появился мужчина. Я с трудом оторвал ногу и сделал шаг в сторону, за дерево. Ноги были непослушно тяжелыми. Чего он кричит, может заблудился, так вроде дорога рядом? Человек остановился и опять закричал, потом начал осматриваться, увидел костер и побежал к нему напрямую через лес. Буквально через несколько шагов он странно подпрыгнул и повалился в снег. Падая, он опять закричал, но уже по-другому... Нам так не разрешали даже говорить, не то что кричать. Он упал и его не стало видно в снегу, только крик взрывал тишину. Ворон, сидевший на дереве, громко захлопал крыльями и взлетел. Ворон тоже кричал и метался под кронами сосен. Такой тревожный шум поднялся на уже ставшей моей лесной поляне. Я стоял, оцепенев. Человек поднялся, начал отряхивать снег, что-то бормоча, потом подошел к костру, и тут я увидел, что это – Анатолий

Васильевич. Он внимательно осмотрел костер и снег вокруг, взгляд его остановился на моих следах... И тогда он меня позвал. Okликнул еще раз. Я выскочил из-за дерева достаточно резко, и Анатолий Васильевич вздрогнул, напрягся.

– Добрый вечер, – радостно сказал я и направился нему.

– Нож убери, – он спокойно произнес эти два слова. – Убери! – повторил уже строго.

Нож так и оставался зажатым в кулаке. Я достал ножны, сунул на место ножик, положил в карман. Мы стояли и смотрели друг на друга.

– Ты что тут делаешь? Вроде не заблудился. Так что ты тут делаешь?!

– Испытываю...

– Что испытываешь или кого испытываешь?! – В голосе послышалось раздражение...

– Себя испытываю, темнотой испытываю...

– Ты... ты, – он поперхнулся, – ты уже полгорода испытал, милиция тебя уже искать едет, с собаками. Бобы свои с беконом все съел?

– Съел... – мысли мои были уже далеко. Собак тут точно не хватает, тогда была бы настоящая Аляска, подумаешь, что овчарки. Их тоже, читал же в книгах, иногда в нарты запрягали. – С собаками?! – обрадовано-вопрошающе повторил я.

– Да, с собаками приедут, – он сделал паузу, усмехнулся и повторил, – с собаками шерифы приедут, тебя искать будут.

Я подумал: «Как интересно! Настоящая Аляска!», радост-

но улыбнулся, потом вслух спросил: – А меня-то чего искать?! Вот стою здесь...

– Где ты должен быть, – голос стал строгим, – где ты должен быть?!

По моим планам – сейчас уже подходить к городу. Идти-то осталось километра полтора, не больше. Я так и сказал:

– К городу подходить.

Наверное, это была та грань, за которую нельзя было переступить.

– К какому городу? Ты должен дома уже в кровати лежать и спать! Ты знаешь, сколько времени?

– Нет, не знаю, – ответил тихо и, как мне показалось, скромно, такой хороший мальчик десяти лет.

– Ты еще скажи мне, что луны нет и ты не знаешь сколько времени, – Анатолий Васильевич уже рассердился. – Время – десятый час...

«Вот это да, – только и успел подумать. – Вот это я прошел настоящее испытание!»

Мы вышли на дорогу, приехала милицейская машина, на которой нас и привезли домой. Я чувствовал, что если приду один, может здорово попасть, не рассчитал со временем. Дверь открыла мама, лицо было заплаканное, но она улыбалась, а вот папа не улыбался...

В книжном шкафу, там где стояли книги Джека Лондона, была пустота... Меня напоили чаем, пришли соседи и дети соседей, мальчишки потихоньку улыбались, взрослые суро-

во смотрели на меня, а соседская бабушка сказала:

– Начитался книг, еще и моих внуков ночью в лес поведет...

– Нет, не поведу, – решительно ответил я.

Она удивилась:

– Как не поведешь?!

– Не поведу, это испытание надо проходить одному...

Наверное неделю я был в центре всеобщего внимания и во дворе, и в школе. Представляете, поздно вечером, почти ночью я один провел несколько часов в лесу. Меня искали родители, друзья, знакомые родителей и даже милиция с собаками...

Слухи о моих похождениях дошли и до рынка. Как только я туда приходил, все продавцы мяса улыбались и спрашивали:

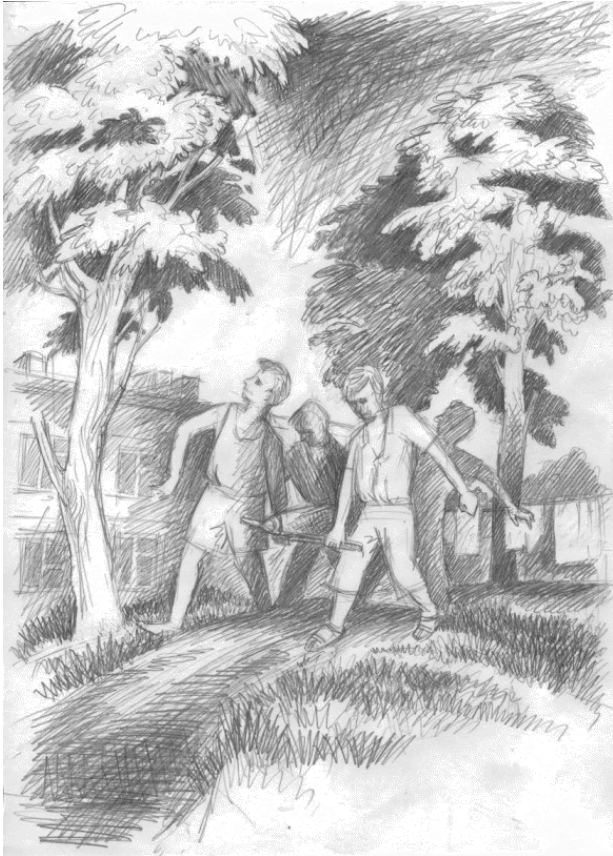
– Хороший бекон не нужен?!

Иногда мне его покупали. Книги тоже вернули на место...

Джек Лондон – замечательный писатель, но такие испытания не нужны родителям, их можно проходить только взрослым детям.

Бомба

Во времена моего детства находить патроны, пулеметные ленты, отдельные детали оружия и целые, но проржавевшие винтовки и автоматы было для нас довольно обыденным занятием. Мы уже научились выплавлять тол из снарядов, правда, когда родители узнали об этом, всем очень здорово влетело. Ну кто был виноват, что Сашка оставил кусок тола в кармане штанов, а его мать взялась их стирать.

Нас собрали во дворе и долго расспрашивали, сначала всех сразу, потом каждого отдельно. Откуда мы взяли тол, кто нам его дал, есть ли еще и где лежит?! Мы молчали, немного напуганно сопели, растерянно роняли слезы, но упрямо молчали. Родители, особенно отцы, сильно ругались, говорили, что мы взорвемся и ничего от нас не останется, разлетимся как пыль, но ответа не было. И следовало суровое наказание...

Со двора выходить нельзя, купаться на озере тоже запретили, потому, что рядом с ним до войны был аэродром, который в сорок первом разбомбили... А теперь это было просто поле. Когда там работала техника, то в свежей пашне можно было найти много интересного...

Прошла неделя наказания... Лето заканчивалось, стояли последние теплые дни. На полях убирали урожай, увозили солому и пахали. В тот день было очень жарко и родители пожалели нас – отпустили на озеро купаться. Инструктаж был по-военному строгий: идете на озеро, по дороге по чужим садам не лазить, купаетесь, загораете, второй раз купаетесь,

обсохли и домой. Все было понятно, да и детьми мы были довольно послушными...

Озеро было небольшое и красивое, посередине остров, рядом старый парк, графский дом. В небольшой речке, впадавшей в озеро (мы называли ее Старая река), ловили карасей и линей, ближе к верховью, к болотам – выюнов. Рыбалка была замечательной...

Пришли на озеро, наплавались, нарвали зеленоватых диких груш, развели костер – печеные груши не так сильно вяжут, становятся вкусными. Погода испортилась, тучи закрыли солнце, возле костра было тепло и купаться второй раз не хотелось.

Времени было еще достаточно и Серега предложил погулять по полям. Переглянулись, Сашка сказал, что если родители узнают, то ругать будут, а Игорь ответил, что если кто не хочет, тот может не идти. Только зря сказал, немного даже обидно стало, мы ведь всегда вместе ходили...

Быстро собрались, хорошо выкрутили трусы. Делали это обычно вдвоем: один двумя руками держал, второй крутил, получалось почти сухо. Оделись и пошли. За парком трактор с плугом допахивал поле, осталась небольшая полоска. Разбрелись по пашне, идем, под ноги смотрим, переговариваемся, кто патрон нашел, кто пулю...

Поле вспахано хорошо, глубоко, местами под плодородным слоем обнажился песок. Я шел между двумя гребнями земли, зажимая в кулаке несколько найденных целых патро-

нов: идешь и трешь их друг о дружку, стирая ржавчину.

Небольшая металлическая пластина торчала на самом дне борозды. Я присел рядом, положил в сторону патроны и осторожно начал отгрести землю. Мое любопытство возростало, но внутренние ощущения говорили, что надо быть очень осторожным... Пластина оказалась соединена с округлой поверхностью. Недалеко копошился Игорь, я позвал его, он подошел, рассмотрел мою находку, взялся двумя руками за пластину и попытался пошевелить, но ничего не сдвинулось. Тогда мы вдвоем потянули, чуть раскачивая, и рядом с пластиной зашевелилась почва. Осторожно отгребая свежеспаханную землю, освободили еще три такие же пластины, всего получилось четыре. К нам присоединились Серега и Сашка, они принесли палки. Копать стало проще, вчетвером работа пошла быстрее, и буквально через пять минут мы поняли, что это – бомба. В документальных фильмах о войне часто показывали, как немецкие самолеты веером сбрасывали их на землю.

Мы откопали ее на две трети, она торчала вертикально, толстые круглые бока в рыжей ржавчине золотились сухим песком... В тот момент мы не задумывались, что делаем.

Сашка, обойдя раскоп кругом, спросил:

– Ребята, может больше ее не будем копать. Вдруг боеголовка целая, рванет....

– Не рванет, – сказал Серега, – не должна. Если уж за двадцать восемь лет не рванула...

Сашка опять заканючил:

– Зачем она нам нужна? Что будем с ней делать, ведь очень тяжелая, не поиграешь, а если еще и боеголовка целая, даже тол не выплавишь...

– Нет, – сказал Игорь, – копать надо до конца, пока не увидим всю бомбу. Вдруг кто-нибудь другой найдет, который не знает, как с ней обращаться. Найдет и взорвется. Если мы начали, то будем докапывать! Ну что, согласны?!

Мы задумались. Темное вспаханное поле, желтое пятно песка и посредине торчит бомба. Погода стала лучше, ветер разогнал тучи, я посмотрел на небо и вспомнил о том, что родители велели искупаться, позагорать, еще искупаться и домой.

– Ребята, вроде как домой пора, давайте решать, что делать. Решаем, делаем и домой. Либо будем копать, – я не успел договорить, как Сашка сказал быстро, – либо закапывать, а вообще-то давайте ее в музей школьный отнесем!

Эта идея сразу всем очень понравилась, и мы продолжили. Песок, чуть влажный, приятно охлаждал ладони, отгребали его в сторону, но недалеко. Рядом на пашне получалась мягкая площадка. Работали молча, аккуратно, без суеты, не мешая друг другу.

И вдруг бомба качнулась, скрипнула своими шершавыми боками. Я как раз убирал песок возле самого основания, инстинктивно обхватил ее, чтобы она не упала, и мои ладони прилипли к металлу...

Все вскочили, но никто не побежал, мгновенная пауза, и Сашка с Серегой схватили бомбу за стабилизаторы. Она стала заваливаться, Игорь поддержал ее и мы вчетвером потихоньку уложили бомбу на песок. Теперь можно было рассмотреть, что она из себя представляет...

Взрыватель был на месте... Перед нами лежала смерть, но мы не осознавали, как велика опасность.

Уже не первый год почти все мальчишки во дворе занимались спортивной гимнастикой. Крепкие, загорелые до черноты. В капельках пота, красные лица моих друзей. Серьезные, но всегда готовые рассмеяться глаза. Мы выросли, очень любили шутить и разыгрывать друг друга, но не в этой ситуации.

Бомба лежала на песке, металл был чуть ржавый, но не сильно, сохранились даже надписи на немецком языке.

Сашка аккуратно провел рукой по шершавому боку и тихонько пробормотал:

– Как будто зверя поймали, только не рычит и не кусается, лежит себе спокойно...

Время было послеобеденное. Мы наплавались, накопились и всем дружно захотелось есть, мысли о еде все чаще мелькали в наших головах. Никто не мог себе представить, что есть мы будем совсем нескоро и по-особенному...

Сереге с Игорем сходили к ближайшим деревьям, это была желтая акация, выломали и принесли три нетолстые, крепкие палки. Песок на бомбе обсыхал и потихоньку ссы-

пался. Мы аккуратно прокопали в грунте, под ее толстыми боками, отверстие и протолкнули туда две палки. Третью палку разместили под основанием стабилизаторов. Вчетвером стали с двух сторон. Сашка разважничался и стал командовать:

– Смотрите, аккуратно вместе наклоняемся, одновременно поднимаем и, самое главное, не бросать...

Сергея рассмеялся:

– А ты брось, – сказал он Сашке. – Брось, я посмотрю, как ты побежишь, нет – полетишь!!!

Все заулыбались, кроме Игоря. Он вздохнул и очень серьезно сказал:

– Да мы все полетим, вернее, что-то оставшееся от нас полетит... Поэтому берем и несем, отдыхаем только по команде. Всем понятно?

Всем было все понятно. Много раз в кино мы смотрели, как саперы осторожно и аккуратно обезвреживали мины. По телевизору в новостях сообщали, как в городах находили, вывозили и взрывали бомбы. Но все это было не с нами.

Дружно наклонились, подняли и понесли. Ходить по вспаханной земле нелегко даже одному, а тут вчетвером и с бомбой на палках. Потихоньку выбрались с поля, передохнули в парке, тяжелая ноша лежала на траве, потом опять разом подняли, понесли дальше. Вышли на улицу, которая вела прямо в центр города, к нашему двору, нашим домам. Пройти по городу надо было немного, с километр. Бомба не кру-

тилась, но палки прогибались, пружинили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.